

АННА ДАНИЛОВА

ЛЕДЯНОЕ ЛОЖЕ ДЛЯ БРАЧНОЙ НОЧИ

Психологический детектив

Анна Данилова
Ледяное ложе
для брачной ночи
Серия «Марк Садовников», книга 4

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183827

*Ледяное ложе для брачной ночи. Подарок от злого сердца: Эксмо; М.;
2007*

ISBN 978-5-699-23307-6

Аннотация

Мира вышла замуж слишком быстро. Случайно познакомившись, они с Димой Караваевым общались лишь неделю, после чего белокурый красавец настоял на свадьбе. Устав от одиночества, девушка согласилась, не успев ни привыкнуть, ни почувствовать любовь к своему богатому молодому жениху. Поэтому брачная ночь пугала ее до дрожи. И вот сейчас, с трудом заставив себя подойти к роскошной широкой кровати, Мира поняла, что муж уснул, дожидаясь ее появления. Вот эгоист! Она откинула край одеяла и... закричала. Это был не Караваев, а другой мужчина. И он оказался мертв...

Содержание

1	6
2	11
3	22
4	30
5	37
6	46
7	53
8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Данилова

Ледяное ложе для брачной ночи

Дорогой писатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое важное в жизни!

Изучайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (фотос)

– Почему он в одном носке?

– Марк, смотри, паспорт. Слава тебе, господи, хотя бы выясним сейчас, кому же это так не повезло. – Лева Локотков достал из кармана куртки трупа документы.

Марк смотрел на распростертого перед ним на асфальте мужчину и следил за движениями своего помощника, который аккуратно осматривал одежду убитого. То, что этот человек умер насильственной смертью, не оставляло никаких сомнений: мало того что он был, судя по внешнему виду, отравлен, к тому же на голову ему был надет полиэтиленовый пакет, туго стянутый возле самого горла. Сейчас этот пакет лежал в стороне, а судмедэксперт, внимательно осматривая труп, делал какие-то заметки в своем блокноте. Фотограф щелкал фотоаппаратом. Следственная бригада во главе с Марком Садовниковым, следователем прокуратуры, прибыла на место обнаружения трупа всего сорок минут назад.

– Андрей Васильевич Прусаков, судя по паспорту, ему тридцать три года. Женат, имеет жену и маленькую дочь. Здесь и пропуск, и визитка. Вот читаю: «Прусаков Андрей Васильевич – менеджер по продажам, фирма «Антей плюс». Здесь и телефоны, и факс, и электронная почта.

– Лева, ну зачем мне сейчас электронная почта, – с раздражением проворчал Марк, пытаясь понять, зачем убийце

понадобилось надевать на голову своей жертвы полиэтиленовый пакет. Явно не для того, чтобы удушить, а для чего-то другого. И он, кажется, знает для чего.

– Марк, – обратился к нему судмедэксперт, попыхивая сигаретой, – а ведь у него ноги переломаны! Завтра я постараюсь выяснить, было ли это сделано при жизни или после смерти.

– Медленно работаете, дружище, – вздохнул Марк, с трудом скрывая раздражение. Он и сам не мог понять, почему его сегодня все выводит из себя, тем более что день начался с улыбки Риты и вкусного завтрака. Неужели с ним снова происходит то, что и пару месяцев назад, когда каждое новое дело, связанное с убийством, он воспринимал как личную трагедию, думая о жене Рите и о ее безопасности. И мучился от бессилия, понимая, что ничто не в силах отгородить ее от всей той мерзости, живущей рядом. От убийц, грабителей, бандитов, насильников. Вот и теперь. Волна ненависти к невидимому убийце накатила, оставив в душе тревогу за беременную Риту. Он подумал, что надо бы ей позвонить и предупредить, чтобы она не выходила из дома. Но разве это реально? Она – взрослая женщина, к тому же с характером, и не потерпит, чтобы ее свободу ограничивали. Скажет еще, что он пользуется своей властью над ней и собирается держать ее дома, как в тюрьме. Тем более что многие ее в городе знают, она известная художница. И что ему теперь делать? Поскорее найти убийцу? Но как? Даже если выяснит-

ся, каким ядом этот мужчина был отравлен, сколько еще надо будет сделать, чтобы понять – кому могла понадобиться его смерть? Еще и ноги сломаны.

– Предполагаю все же, – неуверенно мычал рядом судмедэксперт, – что труп выбросили откуда-то сверху.

– А пакет зачем надели?

– Чтобы рвотной массой не запачкать квартиру. Пакет изнутри...

– Да понял я, понял, – отмахнулся от судмедэксперта Марк. – Вот люди! Убивают и пекутся о том, чтобы ковры не испачкать. Разве можно понять логику убийцы?

– Рвотная масса – это своего рода улика, ведь в ней содержится определенный процент яда, – тихо заметил эксперт. – Марк Александрович, что с вами? Что-нибудь с женой?

– Да нет, – смягчился Марк, краснея за свою несдержанность. – Скорее со мной. Постоянно думаю о том, что на нее может кто-то напасть. Прямо беда.

Он сказал и сам поразился тому, что разоткровенничался с экспертом. Кто он ему – друг, брат? Да никто. Просто коллега по работе.

– Думаете, это только у вас? – вдруг услышал он. – Вы-то потом с бумагами будете работать, с живыми людьми беседовать, допрашивать их. А я вернусь к себе, к своим молчаливым клиентам – жертвам. И только их истерзанные тела будут рассказывать мне о том, что с ними вытворяли. А у меня две дочери, школу оканчивают. Когда у меня на столе

появляется молоденькая девушка, их ровесница, мне тоже становится не по себе. И страшно, представьте себе, страшно! Вот говорят, что мы, эксперты, привыкаем ко всему этому. Разумеется, в какой-то степени это так, привыкаем настолько, что перестаем замечать запах и можем пить кофе, находясь рядом с выпотрошенным трупом, но чисто по-человечески невозможно привыкнуть к тому, что где-то рядом с тобой живут настоящие звери. Хотя нет, все же не звери, а именно люди и, как правило, с нарушенной психикой, словно не ведающие, что они творят. Неужели они надеются, что, совершив тяжкое убийство, тем самым избавятся от своих проблем? То, что их после этого будут посещать кошмары, что они потеряют сон и покой, им в голову почему-то не приходит.

– А знаете почему? – подал голос Локотков.

– Почему? – Марк посмотрел на помощника с интересом. Ему нравился смысленный и скромный Лева, и хотя Марк частенько срывал на нем свою злость или раздражение, они все равно считались друзьями.

– Да потому, что многие убийства совершаются из страха перед тюрьмой, вот почему, – твердо сказал он. – Тюрьма по сравнению с ночными кошмарами – еще худший кошмар. Но это не мое мнение. Это мне один тип сказал. Ему дали восемнадцать лет. Теперь он мучается этими кошмарами на нарах.

Марк позвонил домой.

– Рита? Как ты? Нормально? У меня тоже все хорошо. Если не считать, конечно, моей работы. Я тебе потом расскажу, – последнюю фразу он произнес тихо. Он и сам не заметил, что рассказывать жене о своих делах вошло у него в привычку. Рита была благодарным слушателем, помогала Марку во всех его делах с присущей женщине логикой и нередко удивляла его своими оригинальными идеями. – Целую тебя.

С чувством любви, переполнявшей его, он положил телефон в карман и склонился над трупом.

– Прусаков. Менеджер... И кому же ты так насолил, брат?

2

Одиночество – плохой советчик. Эту фразу Мира Губина повторяла весь вечер, как модный мотив, как истерзанную эстрадную песенку. И самое ужасное заключалось в том, что именно одиночество и посоветовало ей выйти замуж за совершенно незнакомого человека, за мужчину, которого она абсолютно не знала, но который показался ей вполне приличным, порядочным. Несколько встреч, беседы, инициатором которых был Дмитрий Караваев, обещания, данные им же. Они познакомились случайно, как это и бывает. Он подвозил ее на машине. Страшный человек! Посадил в свою шикарную машину первую попавшуюся женщину, в этот же день признался ей в любви, а на следующий день сделал предложение. Это нормально? И что самое удивительное, она, словно под гипнозом, согласилась. Молча кивнула головой и приняла (!!!) кольцо с бриллиантом. Хотя, быть может, бриллиант был и ненастоящий. Не пойдет же она в магазин проверять его подлинность. Все вышло глупо, глупо, глупо! И теперь она сидит в ресторане в дурацком свадебном платье с фатой на голове и сгорает от стыда перед всеми остальными, находящимися в этом зале. Причем все эти люди никакого отношения к их свадьбе не имеют. Они решили обойтись без гостей, отметить это событие вдвоем. Дмитрий заказал столик, и они сразу после загса приехали сюда, в ресторан.

Одно радовало – им никто не станет кричать: «Горько!» И никто не увидит ее растерянного лица, ее влажных от подступающих слез глаз. Как могло случиться, что она поверила первому попавшемуся мужчине, который позвал ее замуж?

Мира развелась со своим мужем два года назад и, как всякая обманутая жена (правда, получившая от бывшего мужа квартиру и деньги в компенсацию, что бывает не так уж и часто), решила для себя, что теперь она будет жить тихо, как мышка, и радоваться самым простым радостям – и прежде всего отсутствию источника раздражения. Теперь ей некого было ждать ночами, прислушиваясь к звукам на лестнице. Некого ревновать. Некому подогревать по нескольку раз ужин. Некого бояться. Некого ненавидеть. Некого любить. Два года спокойной гармоничной жизни. Два года настоящего ада в пустой квартире, наедине со своей вселенской грустью, ворохом заостренных комплексов, страхов. Одиночество, видно, скрутило ее так сильно, что не продохнуть. Отсюда и это случайное знакомство. И этот дикий брак.

Но как этот Караваев умел говорить ей о своих чувствах! Мысленно она подготовила уже досье на своего жениха (в случае если ей позвонит какая-нибудь из подруг, она выдаст на-гора всю имеющуюся у нее информацию об этом скороспелом женихе). «Кареглазый белокурый мужчина, красивый, высокий, умный, с хорошо подвешенным языком, такие нравятся женщинам». Она удивлялась на каждом шагу... К

примеру, как могло случиться, что ни одна из ее подруг еще не была проинформирована о ее намерении выйти замуж? Ну как могло произойти, что и сама Мира не дозвонилась ни до одной из них, и девчонки, как нарочно, не звонили... Словно все они, сговорившись, отправились в теплые края.

Больше всего Мире в ее собственном досье на жениха нравилось словосочетание «кареглазый белокурый мужчина». Он не был альбиносом, его волосы были удивительно красивого, теплого оттенка. А глаза! Когда он впервые посмотрел на нее, она смутилась. Забыла напрочь, куда едет и зачем. Просто крышу снесло, как говорится. А он сразу сказал ей, что она ему нравится, он просто не может оторвать от нее глаз. Между тем она далеко не модель. И если ему, Караваеву, на момент знакомства было только сорок пять лет, то ей – все тридцать восемь. К тому же за зиму она располнела, даже грудь увеличилась. И не сказать, чтобы она была полная, но и не худышка. Кареглазая шатенка – вот так, пожалуй, она записала бы уже в собственном досье. Шапка непокорных золотых кудрей – это ее природное богатство, выпрямляй не выпрямляй волосы, все равно ничего не получится. «У вас красивые волосы», «Я просто без ума от вас, Мира», «Вот именно такой я и представлял себе свою жену». Дмитрий Караваев знал, что сказать женщине, как покорить ее, как заставить поверить в то, что она – самая лучшая, самая желанная, что ее хотят в жены. Первую ночь после встречи с Караваевым она думала только о нем, представляла себе,

что живет вместе с ним, как он сидит за столом и ест борщ, хвалит ее стряпню. Представляла, как он выходит из ванной комнаты в халате, ложится на диван с газетой. Как приходит с работы, стряхивает с зонта дождевую воду, раздевается, надевает домашние тапочки, проходит в комнату, целует ее, Миру, в обе щеки, говорит, что соскучился. Все представляла, кроме одного. В постели Караваева не было. Она не могла представить себе его тело. Какое оно? Она видела всего лишь одно мужское тело – своего бывшего мужа. Белое, с рыжими волосами, ставшее чужим уже очень скоро. Караваев же, чтобы понравиться ей, должен быть совсем без тела. Ходить перед ней всегда одетым и спать в отдельной постели. Вот тогда она, быть может, и была бы счастлива. Платоническая любовь – что может быть чище и безопаснее?

После бессонной ночи Мира решила, что она слишком глупая, раз поверила этому человеку и даже позволила себе пофантазировать на тему замужества. Да он наверняка забыл уже, кому и что обещал! Катается сейчас по городу на своей шикарной машине с какой-нибудь девицей и рассуждает на темы любви и брака. Быть может, это его манера общения с женщинами. И на свидание не придет, не позвонит.

Но он позвонил, пришел с цветами, с духами, кольцом и смотрел так, что у Миры подкосились ноги. Он смело оглядел ее с головы до ног, сказал, что ее льняной костюм очень ей идет, подчеркивает грудь. Прямо так и сказал. Не в бровь, а в глаз. Точнее – в грудь. Сам он оказался прекрасно сло-

жен. В машине-то этого она поначалу определить не могла. Ну, сидит себе мужчина за рулем. За рулем все одинакового роста. Правда, она успела заметить еще там, в машине, что у него холеные руки, с розовыми ровными ногтями. И что сам он какой-то чистый, хрустящий, ароматный. Волосы тоже чистые, блестят, зубы белые, глаза темно-карие, с толстыми веками.

Он оставил машину возле театра, и они отправились гулять. Июнь, бульвар, зеленый и нежный, припекает солнце, мамы прогуливаются с колясками, старушки, сидя на скамейках, ведут свои тихие беседы, алкоголики с таинственным видом попивают дешевое вино.

– Вообще-то, я так вот никогда и ни с кем не гулял. У меня дела, – признался он, слегка наморщив лоб. – Но мы должны же каким-то образом познакомиться получше. Пойдемте в ресторан.

Спустились в английский бар, где со свойственной провинции уютом соседствовали английские пивные кружки и русские котлеты, поужинали, выпили. Караваев продолжал говорить Мире о своей любви и звал замуж. Она смотрела на него и спрашивала себя: не издевается ли он? Потом озвучила свои сомнения.

– Я не обижаюсь, потому что понимаю твои чувства, – он как-то быстро перешел на «ты». – Встретила незнакомого мужика, который чуть ли не в первый день зовет замуж. Но что еще остается делать, если ты действительно мне понравилась.

вилась? Знаешь, у меня такое чувство, словно я давно где-то видел тебя, даже знал, а потом нас разлучили. Ты – моя женщина!

– А вы, собственно, кто?

– Говорю же – Караваев Дмитрий. Работаю. Торгую немецкими молочными продуктами «Фрейзингер».

– Простоквашей, что ли?

– Да какая разница?! Мира, поверь мне: я не обманщик и не брачный аферист. Я очень деловой, занятой человек. У меня есть квартира на Рахова, но там я бываю крайне редко, прихожу поздно вечером. Еду готовит мне Ольга Ивановна, моя домработница.

– Служанка.

– Да называй ее как хочешь. Но мне неприятно было бы приходить в квартиру, где грязно, пыльно, душно и нет еды. Я вполне прилично зарабатываю, чтобы жить нормально.

– А женщины нет? Любовницы? – порозовела Мира.

– Нет. У меня была жена, но она ушла от меня. Ушла и ушла, не хочу об этом даже вспоминать. Кто-то от кого-то уходит. В жизни, к сожалению, нет гарантий. Даже на бытовую технику можно получить гарантию года на три-четыре. А брак, получается, без гарантии. Делай что хочешь. – Последнее он произнес, как показалось Мира, с горечью.

– Вы красивый мужчина, и у вас нет любовницы? Это по меньшей мере странно... – еще гуще покраснела Мира. Она хотела знать правду.

– В прошлом году мне одна девушка писала любовные письма, стихи. Но когда я ее увидел, то понял, что ее не спасут ни стихи, ни поэмы. Она не понравилась мне. А вот ты... Я смотрю на тебя и чувствую, что живу, понимаешь? Хочу каждый день видеть тебя, чувствовать тебя...

Он протянул руку и схватил ее за кисть, помял, словно желая прочувствовать.

– Холодная рука. Ты боишься меня, – вздохнул он. – Не знаю, как сделать, чтобы ты поверила мне. Прошу тебя, выходи за меня замуж! Ты не пожалеешь. Я буду носить тебя на руках. Буду заботиться о тебе. Любить тебя. Вот как хочешь, так и будешь жить. Можешь работать, можешь не работать. Конечно, хотелось бы детей. Но если ты не можешь, как-нибудь выкрутимся. Из приюта возьмем. Если ты, конечно, захочешь. Я бы даже обрадовался, если бы узнал, что у тебя где-то в деревне, у мамы, растет сынок. Правда...

Он был таким милым, этот Караваев! Он уговаривал ее несколько дней, после чего она сдалась. Прозвонила, правда, по нескольким телефонам (которые нашла на коробках с «фрейзингеровским» йогуртом), выяснила, что хозяин фирмы действительно Дмитрий Караваев. Но вот пойти к нему в офис, чтобы навести о нем справки, не успела. Или не захотела.

Еще ей понравилось, что он не торопил ее, как женщину. Пока что ограничивался тем, что держал за руку и целовал в висок, изредка – в щеку. Она видела, как он волнуется, ко-

гда они случайно соприкасаются, стоя близко друг к другу. Понимала, но в последний момент, когда чувствовала, что еще немного – и он набросится на нее, отступала, отворачивалась, вырывала руку из его горячей, сухой и сильной ладони.

Ночи они стали проводить в ее квартире, она сама на этом настояла, потому что именно у себя она чувствовала себя более защищенной. Привыкали друг к другу. Но стелила постель она ему в гостиной, сама же спала (или не спала, ожидая нападения) в спальне, на огромной кровати. Их касания перешли в затяжные ласки, поцелуи, которых она тоже боялась. Она всего боялась. Она все еще не верила ему, хотя день свадьбы был назначен. Самое ужасное, что и посоветоваться было не с кем – решение ей пришлось принимать самостоятельно. И она его приняла. Приняла предложение красивого мужчины, как в омут бросилась. Подумала, что устала киснуть в теплом комфортном болоте под названием «жизнь одинокой женщины». Она подготовилась даже к тому, что Караваев ее все же обманет – скажем, не придет на регистрацию брака. Может, он с кем-то поспорил на крупную сумму, что женится? Может, навел о ней справки, что она одинокая, с квартирой? Так противно было об этом думать!

К тому же она ни разу до загса не видела его документов. А вдруг он вовсе и не Караваев? Но при подаче заявления он вдруг сам протянул ей свой паспорт и улыбнулся:

– Мира, посмотри, меня действительно зовут Дмитрий. Видишь?

Ей стало стыдно, словно он прочел ее мысли. Понятное дело, что он, небедный человек, ускорил срок ожидания регистрации, и все произошло как-то очень быстро. И вот теперь они сидят в ресторане, в том самом, где первый раз ужинали, в английском или ирландском баре (или пабе), нарядные, красивые – законные муж и жена. А ведь они ни разу даже не переспали! Мира молила бога, чтобы он оказался импотентом. Вот тогда бы они действительно были счастливы, и она никогда бы не увидела его голого тела. (Какое оно?) А что, если он вовсе не импотент и набросится на нее сразу же, как только они переступят порог его дома? Дмитрий настоял, чтобы брачная ночь состоялась именно в его квартире. Он сказал, что все предусмотрел, подготовил, что ее ожидает сюрприз.

Их столик был задрапирован белой парчой, украшен букетиками с фиалками, в центре стола – большой букет белых роз. На красивых тарелках – что-то очень вкусное, какие-то салаты, закуски, фрукты. Сладкое вино, шампанское, коньяк. Караваев смотрел на нее влюбленными глазами.

– Ты хотя бы понимаешь, что мы с тобой теперь – семья? Ты можешь мне гарантировать, что не сбежишь от меня хотя бы в течение месяца?

– Это что, шутка? – напряглась она.

– Нет. Это страх потерять тебя, – его лицо было необы-

чайно серьезным.

– Я не люблю говорить о гарантиях, но я, вообще-то, вышла за тебя замуж... на всю жизнь. – Она верила в то, что говорила.

– Я тоже. И я счастлив, что ты мне это сказала. Мира, обещаю тебе, ты не пожалеешь, что вышла за меня замуж. Я понимаю: ты меня пока еще не любишь, слишком мало времени прошло, чтобы ты могла узнать меня. Ты еще шарахаешься от меня, боишься, когда я касаюсь тебя. Но все изменится, когда ты привыкнешь ко мне. А я обещаю тебе, что буду нежен и ласков с тобой. Что ты со мной будешь счастлива. И еще. Если вдруг ты почувствуешь, что тебе не удалось полюбить меня... Что ж. Ты – свободна. Я не стану удерживать тебя. Хотя для меня это будет ударом.

– Дима, ну что ты такое говоришь в день нашей свадьбы? Не пугай меня.

– Ты не хочешь говорить мне о своей любви, потому что ты меня не любишь. Но я люблю тебя и чувствую, что и ты когда-нибудь полюбишь меня.

Никогда еще он не разговаривал с ней так серьезно. И что-то случилось с ней, почему-то стало трудно дышать, захотелось вдруг подойти к нему поближе и обнять, приласкать. Но она сдержала себя, подумала, что еще сама не разобралась в своих чувствах. Но это была не жалость, нет, она испытала прилив какой-то неизъяснимой нежности.

– Горько! – вдруг услышала она его шепот и увидела, каким взглядом он смотрит на нее. – Ну же, Мира!

Она поднялась и, путаясь в складках своего свадебного платья, подошла к нему. Караваев привлек ее к себе и поцеловал, и в это время все, кто находился в зале, вдруг захлопали, заулюлюкали и стали кричать: «Горько!»

Мира задохнулась в поцелуе.

Надежда Прусакова пила кофе на кухне, когда в дверь позвонили. Пришла подруга, Наташа.

– Кофе пахнет... Ты одна или нет? – Подруга потянула носом. Яркая брюнетка с голубыми глазами и матовой кожей. Надя посмотрела на нее и вздохнула. На ее лице, рябоватом, бледном, никогда не будет такого чудесного румянца, как у Наташи.

– Одна.

– Андрей на работе?

– Да вроде бы должен вернуться, но знаю, что придет под утро.

– Да ладно, не расстраивайся. Смотри, что я тебе принесла. – И Наташа протянула ей пластиковую коробку с пирожными. – Они все разные, будем пробовать. Ты же слышала, что открылась новая кондитерская. Там всегда все вкусное, свежее.

Надя слушала ее и думала, что счастье – это когда можно легко и просто говорить с удовольствием о таких вещах, как пирожные. Когда вместо того чтобы переживать, что жизнь проходит мимо, обдавая тебя ледяным, промозглым ветром, ты чувствуешь эту самую жизнь по-другому, жизнь греет тебя солнечными лучами, мужской лаской, нежным вкусом пирожных.

– Проходи, Ната, я так рада, что ты пришла! Честное слово.

Глаза ее наполнились слезами. Теперь это стало нормой – она целыми днями плакала. По поводу и без повода. Хотя повод, конечно, был, и всегда один и тот же – жалость к себе. Измены мужа довели ее до состояния, близкого к депрессии.

– Сейчас я сварю свежий кофе. А этот... этот из термоса. Знаешь, иногда трудно заставить себя встать и пойти в кухню. Лежу вот, смотрю телевизор и понимаю, что лучше бы я не брала отпуск, а работала, находилась среди людей.

– Я понимаю, конечно, что ты к моим советам не прислушиваешься и будешь тянуть эту лямку до самого конца. – Наташа посмотрела на подругу осторожно, словно боясь проронить лишнее слово, способное причинить ей боль. – Но...

– Да знаю я, что ты хочешь сказать. Развод! Одно это слово режет ухо. Представляю, как оно разрежет сердце, душу! Я не представляю себе, как буду жить одна? Как переживу развод? Да, он изменяет, и я это знаю, но каждый вечер я жду его, сижу и смотрю, как идиотка, на дверь, прислушиваясь к звукам в подъезде: не приехал ли лифт, не звенят ли его ключи?

– Пусть это будет жестоко, но я скажу тебе, что это такое. Надя, это твой образ жизни! Вот отними у тебя твоего Андрея с его любовницами и твоими переживаниями по этому поводу, и жизнь твоя станет пресной.

– Наташа!

– Это правда. Его возвращения, его просьбы о прощении, его руки, губы... Все это доставляет тебе нестерпимое наслаждение, и ты воспринимаешь это как награду за твои ночные бдения, волнения, слезы.

– Ты можешь облекать мои переживания и чувства в любые формулы, мне все равно не станет легче. Но для развода я еще не созрела. Я не могу представить себе, что он не вернется. Да я с ума сойду, зная, что он живет с другой женщиной, спит с ней!

– А сейчас он в шашки с кем-нибудь играет! – возмущенно воскликнула Наташа.

– ... что спит с ней, что другая женщина готовит ему еду, гладит рубашки, что он живет в другой квартире и... и... счастлив там... – По щекам ее покатались слезы.

Их было много, и Наташа встала, чтобы взять салфетку и дать Наде промокнуть глаза. Ей так было жаль подругу, что она собиралась уже было пустить в ход свой последний аргумент, который доказал бы степень предательства ее мужа, рассказать Наде о том, как он соблазнил и ее, Наташу: приехал к ней как-то зимой домой на ночь глядя с бутылкой вина и буквально через полчаса уже затащил ее в постель, но не успел ничего сделать – в дверь позвонили, кто-то к ней тогда пришел...

Словно в ответ на ее мысли раздался звонок.

– Ну вот, это Андрей, – с облегчением вздохнула Надя. – Я понимаю, что выгляжу сейчас ужасно и ты презираешь меня,

но я так счастлива, так счастлива...

Она слизнула слезы с губ, машинально взбила волосы и, одернув халатик, пошла открывать.

– Прусакова Надежда Павловна?

Перед ней стоял высокий красивый мужчина с папкой под мышкой. Лицо его было усталым, глаза же смотрели пристально и словно предупреждали ее об опасности.

– Моя фамилия Садовников. Зовут Марк Александрович. Я – следователь прокуратуры. Надежда Павловна, я пришел к вам, чтобы сообщить, что ваш муж, Прусаков Андрей Васильевич... погиб. Примите мои соболезнования.

Она улыбнулась. Надо же такому присниться! Она закрыла глаза и снова открыла их. Мужчина не исчезал. За спиной слышались шаги. Очень тихие. Она знала, что это Наташа.

– Наташа, – проговорила она, не поворачивая головы, но словно призывая подругу в свидетельницы своего кошмарного сна, – этот человек только что сказал мне, что Андрюша погиб.

– Это правда? – глухим голосом спросила Наташа, глядя на Марка. – Вы кто?

– Может, позвольте мне войти? Меня зовут Марк Александрович Садовников, повторяю: я – следователь прокуратуры. Пожалуйста, дайте вашей подруге или родственнице успокоительных капель. Возможно, мне надо было сказать об этом как-то иначе...

– Андрей погиб? Как? Что с ним случилось? – спросила

Наташа, поддерживая Надю под локоть и подталкивая в спину. – Надя, Наденька, успокойся! Это какое-то недоразумение. Пойдем в кухню, я накапаю тебе валерианки. У тебя есть валерианка?

В кухне, отвернувшись к окну, Надя слушала разговор Наташи и следователя.

– Кем вы приходитесь Надежде Прусаковой?

– Я ее подруга. Что случилось с Андреем? Как он погиб?

– Я хотел бы поговорить с женой... вдовой...

– Надя, повернись к нам. Ты можешь отвечать на вопросы следователя?

Надя повернулась. Ей показалось, что в квартире шумно: что-то гудит, кто-то говорит, и эти голоса наслаиваются, создавая хоровое, назойливое звучание.

– Да, могу...

– А вы... Как вас зовут?

– Наташа.

– Пожалуйста, подождите в другой комнате, но не уходите, к вам, возможно, у меня тоже будут вопросы, раз уж вы здесь.

Наташа, поджав губы, обиженная, ушла. Марк сел напротив Нади.

– Так вы скажете, что случилось с Андреем или нет? Что вы все тянете? – не выдержала Надя.

– Вашего мужа нашли рядом с вашим домом рано утром. Дворник наткнулся на тело.

– Его сбила машина?

– Нет, Надя, вашего мужа, по предварительным сведениям, отравили. Возможно, что его сбросили откуда-то. С высоты. У вас есть дача?

– Есть. А что?

– Возможно, ваш муж был на даче, а потом, после того как его отравили, его сбросили с горы, с крыши, я не знаю... Дело в том, что голова вашего мужа была обернута полиэтиленом, затянутым на шее. Мы предполагаем даже, что убийца сделал это для того, чтобы рвотные массы не...

– Прекратите! Какое мне дело до того, что вы предполагаете! Да вы его с кем-то спутали, его никто не мог убить. Его слишком все любили, чтобы травить!

– Что вы хотите сказать? Кто его любил?

– Да все, говорю же вам. Начиная с родителей. Его любили в семье, когда он был еще мальчиком, любили в школе, любили в институте, на работе. Я любила, очень сильно любила. Мои подруги его любили. Соседи. Знакомые. Просто посторонние люди. Он же красивый, милый такой, вежливый...

Она была близка к истерике, и Марк позвал Наташу.

– Успокойте ее.

– Вы извините, но я слышала ваш разговор, – твердым голосом сказала Наташа. – Надя права, у Андрея не было врагов. У таких людей, как он, врагов не бывает вообще. Он удивительным образом умел находить общий язык с самыми разными людьми, не был сплетником. Если чувствовал, что

кого-то обидел, сам, первый, шел на примирение. Я все же допускаю, что убит не Андрей. Возможно, это его тезка или однофамилец.

– Он работает менеджером в фирме «Антей плюс»?

– Да...

– При нем были документы. Надежда Павловна, прошу вас, поедemте со мной на опознание. Это тяжелый момент, но это очень важно. Вдруг на самом деле окажется, что мы ошиблись? Дай-то бог, чтобы так и было.

В морге Надежде стало плохо, пришлось приводить ее в чувство.

– Конечно, это он, – подтвердила ее слова Наташа. – Вот смотрю на него – и не верится. Смотрите, какой красивый мужчина! Он и сейчас словно улыбается. Не представляю, кому он мог перейти дорогу? Совершенно неконфликтный человек. Может, я повторяюсь, но его убили по недоразумению, по ошибке.

– Наташа, я вижу, что вы держитесь. Пожалуйста, попросите Надю, когда она придет в себя, составить список всех ваших общих знакомых. Возможно, вам, как ее подруге, известны имена... любовниц Андрея. – Марк посмотрел на нее пристально, и она смутилась. – Похоже, он был не самым верным мужем?

– Хорошо. Я все поняла. – Наташа низко опустила голову.

– Поймите, это очень важно. Ведь его не ограбили, не за-

стрелили, не зарезали – его отравили. Самый быстрый и легкий способ отправить человека на тот свет, вы понимаете, о чем я?

– Женщина! Вы подозреваете женщину?

– Возможно.

– Хорошо.

Марк протянул ей свою визитку.

– Было приятно познакомиться, – прошептала Наташа, оглушенная бедой и еще не успевшая осознать ее.

В коридоре она обняла притихшую бледную Надю и повела ее к выходу.

– Пойдем, Надя, пойдем. Осторожно, здесь ступенька. Вот так, моя хорошая...

Марк посмотрел им вслед и пожал плечами.

В машине он целовал ее страстно, как и полагается жениху, точнее, уже молодому мужу. Фата сбилась набок, складки свадебного платья мятыми капроновыми волнами едва прикрывали колени, где-то под мышкой царапал увядший розовый букет. Волна нежности, охватившая ее в ресторане, когда им кричали «Горько!», схлынула, уступив место животному страху перед незнакомым мужчиной, перед законным изнасилованием, к которому Мира не была готова. Как прилежная ученица, она зубрила, сидя в машине, в объятиях пылкого мужа, слова, которые она ему скажет наедине, оставшись в спальне его квартиры без свидетелей, без таксиста, который и так, посмеиваясь, поглядывал на них в зеркало заднего вида. Кому же не интересно посмотреть на зрелую женщину, да еще и в свадебном, хоть и примятом наряде, пытающуюся изобразить из себя девственницу? Но она и не ломалась, не набивала себе цену. Она просто боялась, и от этого страха ее затошнило. Но то, чего она так боялась, приближалось с каждой минутой. Она никак не могла понять, отчего ее охватил такой ужас при мысли, что вот сейчас ей предстоит раздеться перед мужчиной, которого она совершенно, ну совершенно не знает. Да мало ли что он может придумать, когда они окажутся в спальне! А если там их поджидают его друзья, которые не прочь поразвлечься с же-

ной Караваева... Просто так. Или, к примеру, Караваев пригласил к себе домой какую-нибудь женщину... Ничего хорошего в голову почему-то не шло. Сплошные извращения, о которых она знала только понаслышке, роились в ее голове и не давали покоя. Хотя чисто внешне Дмитрий Караваев выглядел прекрасно: очень красивый, шикарно одетый мужчина, в нетерпении раздевающий свою новую жену прямо в такси. Вроде бы все нормально. То есть, в норме. Да только она, Мира, что-то сплеховала.

«Дима, мне надо тебе что-то сказать... что-то очень важное. Подожди, поостынь немного, успокойся. Ты пойми, дорогой...» Да, именно так она ему и скажет: «Дорогой». Чтобы он понял, что он все же что-то значит для нее и что она относится к нему не совсем как к чужому человеку. Она попросит его прислушаться к ее словам. А скажет она ему вот что: она не может так сразу вступить с ним в близость. Какое некрасивое и холодное слово – «близость». Да она просто не может раздеться перед ним, не говоря уже о других отношениях! Да, конечно, они обнимались, целовались, кое-что он увидеть уже успел, когда они мучили друг друга долгими вечерами в ее квартире, вроде бы привыкали друг к другу, когда он пытался раздеть ее. Но тогда все было неопределенно и в любую минуту она могла сказать ему: стоп, машина! Теперь же они ехали к нему домой, причем в новом качестве – муж и жена.

Она никак не могла понять свою реакцию на Караваева.

Что, разве у нее никогда не было мужчины? Был, конечно, и ничего подобного к нему она никогда не испытывала – воспринимала происходящее между нею и мужчиной как нечто само собой разумеющееся, даже приятное. Но, в сущности, опыта у нее было маловато. И все равно – не до такой же степени! Чтобы в первую брачную ночь захотелось бежать куда глаза глядят.

– Дима, я не могу так... здесь, – пыталась она прошептать ему на ухо в машине, но он ее словно не слышал. У него было такое лицо, такое, словно он держал в своих объятиях любимую женщину, – он был абсолютно счастлив!

Они, наконец, вышли из такси. Мира не помнила, как они поднялись на лифте, как вошли в квартиру. И только оказавшись там, она сразу же жестко сказала ему, что ей надо побыть немного одной, и заперлась в ванной комнате. Там было тепло, чисто, красиво, повсюду новые полотенца, коробка с мылом, а прямо на полу – ящик с шампанским. Так вот о каком сюрпризе шла речь! Ванна с шампанским. Интересно, и кого это он собирался туда уложить – себя или ее? После его зверских поцелуев от шампанского будет щипать губы или что он там еще зацелует?

Сердце так колотилось, что она уже представила себе машину «Скорой помощи» возле подъезда: анекдот – невесте от страха перед брачной ночью стало плохо.

Мира разглядывала себя в зеркале. Немедленно снять фату! Да и платье тоже. Она быстро сорвала с себя тугую кор-

сет со шнуровкой, перешагнула через широкие прозрачные мятые юбки. Постояла немного в одном белье, после чего укуталась в новый розовый халат. Представила, как Караваев выбирал его для нее в магазине. Нет, какой же он все-таки милый!

Но выходить из ванной комнаты она пока не собиралась. Готовила брачную речь: милый, подожди хотя бы недельку, пока я не привыкну к тебе, иначе тебе придется изнасиловать меня. Но слово «изнасилование» тоже резало слух. Разве можно в брачную ночь вообще пользоваться таким хлестким, почти криминальным словом?

Она чуть не лишилась чувств, когда в дверь постучали. Замерла, онемела. Не знала что сказать. Пока не услышала: – Ты там как? Жива?

Потом какое-то слово, похожее на «мимо»... Он что же это думает, что жизнь мимо нее пройдет?

Она хотела что-то сказать, но поняла, что у нее зубы стучат. Так смешно и не вовремя. «Да что со мной такое?!»

Она заставила себя выйти из ванной комнаты. Решила: будь, что будет. Главное, в квартире, похоже, кроме них двоих, никого нет. А уж вдвоем они разберутся; он, если хотя бы немного любит ее, будет с ней предельно терпеливым.

Повсюду горел свет, на полу, на коврах стояли вазы с цветами, в гостиной на столе, застланном белой скатертью, высилась фарфоровая корзина (настоящее произведение искусства!) с фруктами. Чувствовался праздник или его при-

ближение.

Вот только Дмитрия не было. Может, он в кухне – варит кофе? Мира с замиранием сердца вошла в кухню – никого. И кофе не пахнет. Все чисто, нигде ни крошки хлеба, ничего съестного. Она открыла холодильник – торт, закуски... Она двинулась дальше на поиски своего мужа.

Теплый оранжево-розовый свет струился из спальни. Она осторожно открыла дверь и увидела широкую кровать. Разобранную. Слева, возле окна, лежит Караваев. И, кажется, спит. «Господи, – Мира посмотрела вверх, словно обращаясь к богу, – спасибо тебе за то, что ты услышал меня и понял. Сон! Волшебное избавление от всего того, что я так боялась и пока еще не хотела. Дима Караваев, Дмитрий, Митя... Устал, бедняжка, конечно, такой день, не каждый же день люди женятся. Поспи, поспи подольше, хотя бы до утра. А утро вечера мудренее. Утром все покажется не таким страшным, опасным и стыдным». Вот! Вот оно, это слово – «стыд»! Ей было стыдно перед ним. За что? Да за все. За свое легкомыслие и нерешительность. За свою нелюбовь к нему. За свой авантюризм. За свою фигуру, за грудь, располневшую непомерно...

Она подошла к кровати и стала наблюдать за неподвижным Караваевым. Он, укрытый с головой, тихо спал, отвернувшись от нее. Вероятно, ждал-ждал, не дождался и уснул. Что ж, бывает. Она же никому не собирается рассказывать, что ее новоиспеченный муж уснул в брачную ночь. Это будет

их тайна. Прекрасная тайна. Тайна ее избавления от кошмара и стыда.

На цыпочках она подошла к столику в изголовье кровати со стороны Караваева и погасила лампу. Потом передумала и зажгла ее вновь. Сна все равно не было. Поэтому она решила полистать журнал.

Журнал по дизайну. Так вот чем увлекается ее муж! Что ж, это уже кое-что. Неплохое хобби для человека, занимающегося немецкой простоквашей. И что, это сейчас в моде? В Италии, например, все полы были выложены плиткой. И не холодно им там, в теплой Италии, в холодный дождливый день? Хотя там повсюду ковры. И конечно, камины. Ну как же без каминов? Может, и у них будет когда-нибудь загородный дом с камином. А может, уже и есть, да только она ничего не знает? Хотя она бы и не удивилась, если бы узнала, что у Караваева вообще нет ничего, кроме долгов, и эта квартира принадлежит его другу. Она, получается, была готова ко всему?

– Дмитрий... – она сама не поняла, как позвала его. Но так тихо, что он не услышал.

Крепко спит. Хотя мог бы уже и проснуться, почувствовав, что он под одеялом уже не один. Пора привыкать, что он вообще теперь не один. Эгоист несчастный!

Она тронула его за плечо. Мог бы и кофе сварить своей жене, между прочим! И чем-нибудь угостить, проявить гостеприимство.

– Караваев! – Она снова тронула его за плечо. – Эй! Хватит спать! Всю жизнь проспидишь! Мне же скучно! Ну же!

Да еще и с головой укрлся. От света, что ли?

Она откинула край одеяла с его головы и была крайне удивлена, увидев вместо густых светлых волос – темные, с проседью. Она моментально села на кровати, выпрямилась и усталилась на черноволосую голову.

– Ничего не понимаю!

Мира резко встала и обошла кровать. Увидела совершенно незнакомое лицо с крупным орлиным носом и полураскрытым ртом.

– Чертовщина какая-то...

А потом она закричала. Так страшно закричала, что сорвала голос. Это был не Караваев. Это был другой мужчина! Он не дышал. Он был мертв!

– Знаешь, всегда, когда прихожу домой, радуюсь, что с тобой все в порядке, что ты жива и здорова, и это чистая правда, – говорил Марк, целуя руки Риты и нисколько не стесняясь своей нежности. – Понимаешь, слишком уж большой контраст между тем, что мне приходится видеть на работе и чем заниматься, и тем, что ждет меня дома. Этот дом, тепло – я не представляю себе, как это я мог раньше жить без тебя.

– У тебя снова убийство. – Рита поцеловала мужа в лоб и поставила перед ним тарелку. – Ешь и постарайся не думать ни о чем таком.

Она была беременна, и Марк в каждом ее движении, в каждом взгляде пытался уловить все то, чего в ней не было прежде, нечто новое, чудесным образом связанное с зарождавшейся в ней новой жизнью. Квартира, как и прежде, была полна цветов, новых работ Риты, а в кухне неизменно пахло чем-то вкусным, необычным. Марк всегда возвращался домой с чувством особого трепета, словно ему предстояло свидание с женщиной, которой он долго добивался и встреча с которой обещала немислимое наслаждение. Он так боялся расплескать свое счастье, что лишний раз старался не упоминать о Рите даже в разговорах с друзьями и родственниками. Есть Рита, и об этом все знают, а что между ними происходит, чем они живут и дышат – это только их дело, и

никому не позволено знать больше.

Они поженились не так давно, прежде были соседями, жили в одном подъезде и, встретившись и познакомившись, уже не могли расстаться. Рита была известной художницей, ее работы высоко ценились не только в родном городе, но и за границей. Марк же был следователем прокуратуры и всем своим образом жизни являл яркий контраст Рите. Он рано вставал, был крайне дисциплинирован, во всем любил порядок и точность, в то время как Рита жила исключительно чувствами и воспринимала время лишь применительно к Марку: когда он придет, чтобы подогреть ему ужин и просто поскорее увидеть его. Когда же речь шла о таких серьезных вещах, как ее участие в делах мужа, то здесь Рита менялась, превращалась из свободной художницы в тень Марка, и тогда ей не было равных в таких понятиях, как ответственность, пунктуальность, упорство, деловитость, логика, терпение. Понимая, каким важным делом занимается Марк, Рита по мере возможности помогала ему в расследовании запутанных и интересных, на ее взгляд, преступлений. Чаще всего это происходило с ведома и подачи Марка, но иногда Рита действовала самостоятельно – на свой страх и риск. Это входило в привычку, супруги становились все более и более откровенными друг с другом, а это, по мнению Марка, было опасно – Рита, даже будучи замужней женщиной, требовала от Марка уважения и доверия, а потому не терпела, когда Марк пытался, пусть даже и из самых лучших побуждений,

ограничить свободу ее действий и, главное, перемещений. Так сложилось, что и Марк уже не мог не рассказывать Рите о том, что происходит у него на работе, да Рита, чувствуя потребность Марка посоветоваться с ней, не могла оставаться безучастной и бездействовать в то время, когда она могла оказать реальную помощь.

– Убийство? Я угадала?

– Да, какое-то странное убийство. Молодой красивый мужчина, менеджер одной не самой известной фирмы, женатый, обнаружен мертвым возле своего дома, в кустах. Его труп положили таким образом, чтобы поскорее нашли. Это мое мнение. И что самое удивительное – его отравили. Так, во всяком случае, сказал эксперт. Он определил это предварительно, после внешнего осмотра.

– Красивый, говоришь? Марк, рассказывай и ешь...

– Красивый.

– Ты его жену видел?

– Видел. Она страшно переживает. И я чувствую, что он был бабник еще тот. Во всяком случае, у меня сложилось такое мнение после разговора с подругой жены. Она постоянно говорила о том, что его все любили. Начала с родителей и закончила всеми остальными, мол, у него просто не могло быть врагов. Что таких людей, каким был этот Прусаков, не убивают.

– Может, он был свидетелем какого-нибудь другого преступления и его просто решили убрать? – пожала плечами

Рита. – Но прежде, конечно, ты будешь работать с его окружением. На мой взгляд, это самая трудная работа – опрашивать друзей, родственников, знакомых. Послушаешь и не знаешь, верить ли всему тому, что говорят о покойнике, или нет. Когда человек видит перед собой официальное лицо, тебя, к примеру, следователя прокуратуры, то, скорее всего, расскажет об этом Прусакове что-нибудь нейтральное, ограничится дежурными фразами: мол, был хорошим человеком, муху не мог обидеть, не представляю, кому он мог перейти дорогу. А как копнешь поглубже, станут выясняться такие детали, что круг подозреваемых расширится, и, в сущности, почти каждого человека из окружения жертвы можно будет задерживать – мотив! У всех окажется свой мотив для убийства.

– Ты это только сейчас придумала или где-то вычитала?

– Не смешно, Марк. Просто я думала над этим и пришла к выводу, что жизнь каждого человека не так проста, как это может показаться на первый взгляд. И что самый неприметный с виду человек может таить в себе целую бездну либо пороков, либо необузданных страстей, словом, насыщенную чувствами и переживаниями жизнь. Вот и Прусаков. Молодой мужчина. Если он всем нравился, то кому-то одному, к примеру, не нравился вовсе. Может, он как раз и раздражал кого-то именно тем, что был таким белым и пушистым. К тому же подруга, которая сразу же выдала тебе о нем такое – что, мол, его все любили, – могла сказать это со скрытой

иронией. Тебе так не показалось?

– Показалось. Я даже подумал, что она могла быть любовницей этого Прусакова. И сказать это в сердцах.

– Очень часто самые близкие подруги, вхожие в дом, становятся любовницами мужа. Это уже неинтересно.

– А мы не слишком расфантазировались?

– Время покажет.

Марк встал из-за стола, поцеловал жену и обнял ее.

– Знаешь, Рита, я понимаю, что скажу сейчас глупость, но и не сказать не могу. Я хочу, чтобы никто и никогда не вмешивался в нашу жизнь. Ни друзья, ни родственники. Хочу, чтобы ты принадлежала только мне. Вот так.

– Я знаю. Знаю, что ты великий собственник, но я так не могу. Не могу постоянно сидеть дома и ждать тебя. Да, конечно, я работаю в своей мастерской, но мне для вдохновения, для... не знаю, как сказать... Словом, мне нужно иногда встречаться с людьми, окунаться в эту самую жизнь, которая существует за окнами нашего дома. А ведь ты хотел сказать мне, чтобы я, как домашнее животное, как, к примеру, собака, сидела дома, на поводке, так? Марк, ты же не был таким!

Марк опустил голову. Да, именно такой он представлял себе в идеале свою семейную жизнь: Рита дома, всегда дома, сначала одна, а потом и с ребенком. Вероятно, он сумасшедший.

– Почему ты молчишь? Тебе стыдно или, наоборот, считаешь, что ты прав? И что только таким образом можно со-

хранить семью?

– Вот. Именно это слово – сохранить! Я хочу сохранить тебя и нашего ребенка. Знаешь, мне кажется, что с тех самых пор, как мы с тобой вместе, я заболел. И болезнь моя серьезна. Что-то с психикой. Я стал бояться за тебя. Это стало навязчивой идеей.

– Так смени профессию! – воскликнула Рита. – Но даже если ты станешь сапожником или учителем математики, ты все равно не сможешь не думать о том, что мир вокруг нас далеко не идеален. Что он кишит преступниками – убийцами, насильниками, ворами, бандитами. А что с тобой будет, когда родится, например, девочка? Ты не позволишь ей гулять на улице? Ходить в школу? Да разве возможно оградить ее от всего того зла, которое окружает нас?

– Да я только об этом и думаю, Рита. Хоть девочка, хоть мальчик... У меня такая опасная профессия! Те, для которых я являюсь источником опасности, могут взять вас в заложники. Я не знаю, что мне делать.

– Тебе надо успокоиться. Взять себя в руки. А если чувствуешь, что тебе совсем плохо, обратись к психиатру. К профессионалу. Невозможно ведь жить в постоянном страхе за свою семью! Посмотри, как живут твои коллеги.

– А я так думаю, что и они тоже постоянно переживают, звонят своим женам, следят за тем, чтобы их детей встречали из школы. Ты пойми, Рита, прежде я не испытывал ничего такого потому, что жил один. А теперь...

Она закрыла ему рот ладонью. Обняла, поцеловала в макушку.

– Марк, все нормально. Мы с тобой живем в таком же мире, что и все остальные. В одном аквариуме. Скажи просто: Рита, будь поосторожнее. И все. Я пойму.

– Сколько раз ты рисковала, пытаясь что-то выяснить, что-то доказать. Вот и сейчас: я рассказал тебе о Прусакове и подумал – а что, если мысленно она уже встречается с подругой его жены, под видом художницы просит ее попозировать ей? Ведь это самый твой излюбленный способ входить в доверие к людям.

– Да, ну и что? Это совсем не опасно. Зато я смогу выяснить, что представлял собой ваш Прусаков. В каких отношениях он был с подругой жены. Как, кстати, ее зовут?

– Не скажу.

– Пойми, Марк, я только закончила работу над своим натюрмортом с лимонами...

– Как, ты уже его закончила?

– Еще два дня назад. Я говорила тебе, просто ты тогда пришел усталый, поужинал и сразу лег спать. Даже не посмотрел, между прочим!

– Извини.

– Так вот. У меня сейчас пауза. Можно сказать, творческая пауза. Мне нужны новые впечатления, какая-то эмоциональная встряска. Я не могу целыми днями, пока не работаю, стоять у плиты. Это любому надоест.

– И что?

– Скажи мне, где живет Прусакова, жена убитого, и назови имя ее подруги. Может, я что-то узнаю, а потом тебе расскажу. Это совершенно неопасно, и ты это прекрасно знаешь. А я развлекаюсь, не больше. Ну же, Марк!

– Рита, я только что признался, что смертельно боюсь за тебя, и ты мне тут же говоришь, что тебе непременно надо вмешаться в это дело. Ты считаешь, что все мои признания ничего не стоят? Что все это несерьезно?

– Напротив. Я хочу доказать тебе, что мир вокруг нас – нормальный, и в нем живут все остальные люди. И что, выходя из дома, они не слишком рискуют быть убитыми или ограбленными. Ну невозможно жить в постоянном страхе, это ненормально!

– Значит, я ненормальный.

Он после этого выматывающего разговора почувствовал себя уставшим и каким-то больным.

– Подожди, еще будет чай. Марк, ну не злись, прошу тебя. Расскажи мне лучше еще об этом убийстве. Может, там не все так просто? Его что, отравили прямо возле его собственного дома? Вот так подошли и дали выпить яд? Каким образом он оказался в кустах?

– Да, – оживился Марк, – ты права! История непростая, и никто ему не давал яд прямо на улице. И знаешь почему?

– Пока не знаю.

– Да потому, что он умер в другом месте! Дело в том, что

у него переломаны ноги. Как говорит эксперт, эти переломы характерны для того случая, когда тело сбрасывают с высоты. Он предположил, что жертву сначала отравили и выбросили откуда-то, возможно, даже из окна или с горы (хотя откуда здесь взяться горам?) уже после его смерти. К тому же на голове трупа был полиэтиленовый пакет, стянутый скотчем возле горла.

– Не поняла, его что же – удушили? Или все же отравили?

– Нет, его не удушили. Но пакет зачем-то на голову надели.

– Мне кажется, я знаю, зачем надели пакет. – Рита разлила чай по чашкам и снова усадила Марка за стол. – Садись и слушай. Значит, так...

– Знаешь, мой Чарли в последнее время жалуется на живот.

– Вера, я тебя прошу: ни слова о своей собаке! Тебя послушать, так Чарли для тебя – все. Он тебе и муж, и брат, и сынок, и дочка. Надоело, честное слово! У тебя, слава богу, есть сын, Виктор, вот о нем и заботься. А то ты приучила Чарли к столу, эта жирная псина сидит себе за столом наравне с людьми и жрет все подряд, как поросенок.

– Тамара, успокойся.

Женщины сидели на дачной веранде и гадали. Хозяйка, Пьянкова Вера Григорьевна, румяная, полноватая и всегда нарядно, по-дачному одетая – во все цветастое и яркое, раскладывала карты на Виктора, все надеялась узнать, когда же ее тридцатипятилетний сын наконец женится. Ее соседка и подруга, тоже пенсионерка, Тамара, маленькая, сухонькая женщина в розовой блузке и широких дачных штанах, не спускала глаз с карт. Под столом спала толстая беспородная собака с красным бантом на шее – Чарли.

– Да, у меня есть сын, а толку от него? Даже если он и здесь, на даче, со мной практически не разговаривает. То читает в своей комнате, то телевизор смотрит, то к соседям отправится в гости, то какую-нибудь девицу к себе приведет, а чтобы с матерью поговорить – нет его. Сама все видишь. А

вот Чарли никогда мне не изменяет. Постоянно рядом. Он любит меня. Мы спим с ним вместе, в обнимку. Он теплый, а зимой горячий, как грелка.

– Спишь с ним, говоришь, – Тамара отмахнулась. – Вот послушал бы нас сейчас кто, подумал бы нехорошее.

– Нехорошие люди о нехорошем и думают. А Чарли – моя душа. А то, что он иногда мне пятки лижет, – какой же это грех? Да он – моя отрада! Я вообще не представляю себе, что делала бы, если бы не он. Я и разговариваю с ним, и слушаю, когда он мне жалуется на здоровье. А что, ему уже много годков-то. Но все равно он такой милый, я его обожаю!

– Еще одно слово, Верка, и я уйду! Думаешь, мне не обидно все это слышать? Да я круглый год на даче живу, рядом с тобой, и разве мы с тобой не разговариваем и не смотрим телевизор? Разве не меня ты зовешь, когда напечешь пирогов, или не я зову тебя, когда приготовлю что-нибудь вкусное? Да мы с тобой подруги, дай бог каждому! И теперь ты говоришь, что Чарли для тебя – это самое главное?

– Тома, Чарли – это собака. Со-ба-ка, понимаешь? И нечего на меня обижаться. Вот смотри, снова мой Витюша один остается, да только карты какие-то нехорошие ему выпали. Сначала была какая-то женщина, светловолосая, а потом через нее ему большая беда и сплошная чернота. Фу-ты, эти карты! Сплошное расстройство.

– Ты вот о женщине говоришь. А я тебе скажу, кто это. Я что к тебе пришла-то? Невесту я твоему Виктору подыска-

ла! Катериной зовут. Ты не представляешь, какая красавица. Ей всего двадцать пять лет. Никогда не была замужем. Детей нет. Не уверена, что девственница, но кто на это сейчас смотрит? Так вот. Ее мать – моя соседка, она говорит, что Катерина хочет замуж. Что подружки ее все повыходили, уже с колясками по паркам гуляют. А она вот одна осталась. Ни с кем не встречается. Дома сидит. То с книжкой, как твой Виктор, то к соседке, такой же девчонке, ходит, они вышивкой, что ли, увлекаются. А Катя эта и вязать умеет, и готовит знаешь как! Вот бы их с Виктором познакомить.

– Я не против, ты же знаешь. Но Витя откажется. Если мы приведем к нему эту девушку, он сбежит к Лидке или Мишке, к соседям...

– А это правда, что Мишка в лотерею выиграл? Машину купил?

– Правда. Дуракам всегда везет. Да какие деньжищи выиграл! Миллион, что ли... Точно не знаю, врать не стану. Чарли! Ты что скулишь? Опять живот болит?

– Задница у него болит. Значит, говоришь, в лотерею выиграл? А что за лотерея, не слыхала?

– Нет, но я могу у Виктора спросить.

– А он где?

– В город поехал. За продуктами и за батарейками к транзистору, что ли.

– Повезло же Мишке. А что Барашка наша? Говорят, она замуж вышла, очень удачно, муж – богатый.

– Да что ты меня спрашиваешь, она тоже твоя соседка, сама видишь, на какой машине она теперь приезжает с мужем. В этом году не сажала ничего, все заросло. Она же теперь богатая, зачем ей выращивать огурцы-помидоры, когда все можно купить на рынке. У всех все хорошо складывается. Я сыну говорила: Витя, смотри, какая симпатичная девушка, хозяйственная, работающая. Но он отвечал, что она не в его вкусе, стихов не любит, а он стихи пишет.

– Только вот их что-то никто не печатает.

– Тамара, ну что ты все расстраиваешь меня? Ну не печатают его стихи и рассказы, он свои тоже пристроить не может, но он же творческая личность, как ты понять не можешь. А такие люди, творцы, они только шедевры создавать могут, а вот пристраивать их не умеют, нет у них этой предпринимательской жилки. Вот вечно ты мне что-нибудь такое скажешь, что только расстроит меня! Придешь ко мне в гости, поешь-попьешь, нервы потреплешь – и снова уйдешь. А нам тут с Чарли расхлебывать.

– Да я не хотела, – Тамара вздохнула. – Я хоть и говорю тебе правду, да сама знаю, что ты – счастливее меня. У тебя и Виктор есть, и Чарли, а вот у меня – никого. Племянники только понаедут в августе – сентябре, урожай соберут – и айда обратно в город. А так никто меня не навещает. И если бы не ты, не знаю, как бы здесь одна куковала. Так что ты уж прости меня, подружка. Просто хочется мне, чтобы твой Виктор поскорее женился, чтобы детки пошли. А я бы

ему помогала – и ребенка бы нянчила, и коляску бы купила, пенсия у меня, слава богу, хорошая. Так что не обижайся на меня, я все это говорю только из лучших намерений. Ты почему плачешь-то, Вера?

– Думаешь, не знаю, зачем он поехал в город? У него там какая-то балерина завелась. Балерины-то – они все красивые, стройные. Он поэму про нее пишет. Я читала, когда его дома не было. Красиво пишет, все про ноги – они, мол, как стебли кувшинок или лилий. Он же романтик, мой Витя.

– А до балерины у него кто был – спортсменка какая-то?

– Нет, гимнастка была в прошлом году, а в этом – журналистка. Но она бросила его, укатила в Москву, конкурс какой-то журналистский выиграла, теперь вроде бы на телевидение устраивается. Видишь, каких ему девок подавай?! А ты говоришь – вяжет, готовит. Это он сейчас не может оценить качества будущей жены, а потом, когда ему на обед положат на тарелку пуанты, ну, эти, балетные туфли – на, дорогой, кушай, – вот тогда он поймет, как хорошо иметь жену, которая умеет готовить. Кстати, Тамара, у меня же салат из печенки есть, я ночью сделала, бессонница замучила. Я встала, лучок замариновала. Давай пообедаем?

– Да я не против. Смотри, какая-то машина едет. Милицейская. Неужели снова расспрашивать будут про Звонарева, у которого в подвале дома труп нашли? Уже три месяца прошло, а они все никак не угомонятся. Непонятно им, что хозяин дачи ни при чем. Он же не дурак – прятать труп в

своём собственном подвале. Понятное дело, что это бомжи. Убили по пьянке, сунули в подвал вниз головой и сбежали.

– Они сюда идут, к тебе, Вера.

– Я им и скажу то, что тебе сказала. Что Звонарев тут ни при чем. Он хороший мужик, в погребе у него было столько запасов – дай бог каждому. Он не стал бы поганить свой погреб! А знаешь сколько у него грибов было? Два или три эмалированных бачка с груздями и рыжиками. Это же целое богатство!

По садовой дорожке прямо к крыльцу шел высокий красивый молодой человек с папкой под мышкой.

– Я могу поговорить с Пьянковой Верой Григорьевной?

– Если опять про Звонаревых, то скажу сразу – он ни при чем, сосед наш...

– Мы пришли к вам по поводу вашего сына, Пьянкова Виктора Борисовича.

Вера Григорьевна поднялась навстречу молодому человеку.

– Да, это мой сын, Виктор. А что случилось?

– Ваш сын, Виктор, Вера Григорьевна, погиб.

– Как это – погиб!

– Его обнаружили возле вашего дома в городе, утром дворник его нашел. С признаками насильственной смерти.

– Горе-то какое! – всхлипнула стоявшая за спиной Пьянковой Тамара. – Вера, Виктора нет!

– Я приношу вам свои извинения, что мне пришлось сообщить вам об этом вот в такой форме, без подготовки. Но у меня очень мало времени. Моя фамилия Садовников. Зовут – Марк Александрович. Я следователь прокуратуры, занимаюсь расследованием убийства вашего сына.

– Витю убили? Но кто? Он же тихий, мирный, поэт, он пишет стихи...

– Когда вы видели его в последний раз?

– Три дня назад. Проводила его на электричку, ему надо было в город за продуктами. У нас же, в дачном поселке, нет магазинов, вот Витюша и ездил... Но как его убили?

– Пока неизвестно. Но мы сообщим вам после экспертизы. Для начала вы должны проехать с нами для опознания.

– Я поеду с тобой, Вера, ты просто еще не понимаешь, что произошло, тебе может стать плохо. Где у тебя нитроглицерин?

– А Чарли? Можно, я возьму с собой Чарли?

– Разрешите ей взять с собой собаку, это не просто собака, это ее друг, она очень привязана к нему. Если куда-то нельзя будет с собакой, я за ним присмотрю. Вы же видите, Вера в ступоре, она потом поймет, что произошло.

Марк кивнул головой.

– А вы кем приходитесь гражданке Пьянковой?

– Соседка я.

– Хорошо, берите всех собак, кошек и поедем скорее. В машине и поговорим.

Как во сне, она металась по незнакомой квартире, распахивала шкафы и искала какую-нибудь одежду. Джинсы, спортивная майка, кроссовки... Свадебное платье, туфли, фату – в пакет. Носовым платком, обнаруженным в одном из шкафов, она вытерла предполагаемые отпечатки своих пальцев. Никаких следов!

Она выбежала из квартиры, поймала такси и назвала свой адрес. Так вот почему ей было так не по себе. Ее использовали! Заманили в квартиру с трупом! Вот это она вышла замуж! Вышла так вышла! Ай да Караваев, ай да сукин сын... Скорее домой! Почему таксист ведет машину так, словно на улице гололед? Лето! Прекрасная дорога, почти пустая. Домой, домой!

Она не помнила, как запиралась на все замки, даже цепочку накинула, словно это могло спасти ее от воображаемых бандитов, во главе которых стоял ее... даже не жених, а муж. Законный муж. Только непонятно, зачем ему это было нужно? Предположим, он совершил убийство. Но почему ему понадобилось это делать в собственной квартире? Неужели для убийства не нашлось более подходящего места – какой-нибудь лесополосы, парка, свалки? Обещал сюрприз – и подготовил. Чтобы сначала она искупалась в ванне, наполненной шампанским, а потом, раздевшись, оказалась в

постели с трупом! Что это за чудовищный план? Что он хотел этим сказать? Решил наказать ее за легкомыслие? За то, что она, страдая от одиночества, бросилась в объятия первого попавшегося мужчины? Но мало ли таких женщин? И что же, их за это отчаяние следует наказывать? Нет, не то. Причина. Надо искать более существенную и, скорее всего, материальную причину. Ведь будучи ее законным супругом, Караваев имеет право при разводе претендовать теперь и на часть ее имущества. Ее посадят за убийство, а он подаст на развод, и все, что было нажито ею, будет поделено между супругами. Или же то, что было приобретено ею до этого брака, все же не может быть поделено?

Мысли путались. Ее всю колотило, когда она забралась в ванну с теплой водой и закрыла глаза, прислушиваясь к тишине. Она с замиранием сердца ждала каких-то страшных звуков – взламываемой двери, разбиваемых стекол, выстрелов наконец.

Что будет теперь? Рано или поздно труп обнаружат. Вычислят, кому эта квартира принадлежит (и снова всплыло: а что, если квартира какого-то совершенно постороннего человека, а не Караваева?); затем кто-то, таксист например, позвонит в милицию и скажет, что подвозил по такому-то адресу (назовет адрес, где нашли труп) странную парочку, похожую на новобрачных. Да и улицу вспомнит, ресторан, откуда эта парочка предположительно могла выйти. Официант составит словесный портрет жениха и невесты. Но что даль-

ше? Ресторан. В ресторане же было полно людей, которые кричали им: «Горько!» Хотя с чего бы связывать новобрачных с обнаруженным где-то в другом месте трупом?

О чем бы она ни думала, какую бы причину ни предполагала – все получалось нелогично и бессмысленно. В одном она была уверена: на кровати лежал все-таки не Караваев. Конечно, учитывая ее психическое состояние и страх перед первой брачной ночью, ей могло показаться все что угодно. Но только не другой человек. Не могла же она дойти до такого!

Мира горько усмехнулась, представив, что возвращается в эту злополучную квартиру и находит там, на кровати, Караваева – живого и здорового. Вот это будет фокус, тогда сразу станет понятно, кто сошел с ума. Неужели она на это способна? Хотя прежде ей приходилось сталкиваться с чем-то подобным. К примеру, однажды зимой она назначила встречу с подругой возле театра. Стояла и ждала ее достаточно долго, даже успела промерзнуть, и, что удивительно, она не уходила так долго потому, что всякий раз ей казалось, что она в толпе находившихся возле театра людей видит подругу. Причем при ближайшем рассмотрении оказывалось, что это вновь совершенно другая женщина, несколько не похожая на подругу – и шубка не ее, и фигура, и осанка, и как Мира вообще могла принять ее за свою подругу? Другими словами, она видела то, что хотела, точнее, ту женщину, которую хотела увидеть. В случае же с Караваевым она, напро-

тив, не хотела увидеть в нем мужчину, с которым ей предстояло провести ночь, вступить в близость, а потому вместо красавца-мужа, натурального блондина с матовой розовой кожей, она увидела мертвого брюнета с орлиным носом. Да возможно ли вообще такое?

При мыслях об этом пережитом ужасе с трупом ей стало так жаль себя, что она разрыдалась. Вспомнила своего бывшего мужа, его измену и подумала, что на этой отравленной мертвецом ноте она и закончит поиски своего женского счастья. С Караваевым разведется. Непременно! Да и вообще, надо заставить себя забыть его. Просто поработать над собой, заняться самовнушением. Развод! Она поручит все это адвокату. Пусть он сам ходит по судам. Хотя какой может быть суд, если у них нет детей? Их могут развести прямо в загсе.

Она разрыдалась с новой силой. Разве могла она еще сегодня утром, собираясь к парикмахеру и наряжаясь перед зеркалом в роскошное белое платье, предположить, что пройдет всего несколько часов, и она будет думать о разводе?

Она вышла из ванной, закуталась в халат и легла. Лежала и думала о том, что может сейчас происходить в квартире Караваева. Обнаружил ли кто-нибудь там труп? Позвонил ли в милицию? И главное – кому принадлежит этот труп? Кого убили и за что?

Можно было, конечно, одеться и поехать туда, хотя бы издали понаблюдать за домом – прибыли ли на место преступ-

ления милицейские машины, люди в форме, собралась ли толпа любопытных? Но после горячей ванны и пережитого потрясения у нее было одно желание – лежать и не двигаться. Будь что будет. В любом случае она ни при чем. Она никого не убивала и человека этого, bruneta с орлиным носом, никогда не видела. Следовательно, ей нечего бояться. Размышляя таким образом, она вдруг поняла, отчего расстроилась больше всего – не от самого факта обнаружения трупа и страха быть втянутой в криминальную историю, а из-за того обстоятельства, что именно ее, Миру Губину, обманул мужчина, женился лишь ради того, чтобы подставить ее. И все это вместо обещанных любви и счастья.

Мира зарылась с головой в одеяло, и ее рыдание перешло в тяжелый, надрывный стон.

– Э-эй, ты живой? Ну же, поднимайся. Я чувствую, что ты уже не спишь, ворочаешься. Открывай глаза, слышишь меня? Нечего притворяться.

Он почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Затем чья-то рука провела по его лицу, по щеке, задержалась на лбу.

– И температуры у тебя, слава богу, нет, значит, никаких воспалительных процессов. Давай-давай!

Он открыл глаза и в зеленой мути солнечного утра увидел перед собой склонившуюся над ним женщину. Узкое гладкое лицо, формой напоминающее яйцо, длинные черные волосы, полные губы и глаза – черные, холодные, бесстрастные. Кто она такая? И почему будит его?

– Уф, наконец-то! Ну и напугал ты меня, честное слово. Я уж думала, что помер. Но тебе повезло, что ты остался жив. Иначе мне пришлось бы закопать тебя где-нибудь поблизости. А ты что думал – не губить же из-за такого недотепы, как ты, всю свою молодую жизнь!

– Вы кто? – спросил Караваев, вдруг почувствовав острую боль в затылке. И сразу же волна тошноты накатила на него, ему стало дурно.

– Гортензия. Нравится? Меня так зовут. Во всяком случае, сегодня. Вчера я была Грейс. Словом, выбирай любое

имя, которое начинается на «Г», и ты попадешь в самую точку. Можешь, кстати говоря, не церемониться и называть меня просто Гулей. А что, неплохое имя!

Она щебетала, эта незнакомая женщина. Не разговаривала, а именно щебетала, как птица, и ее громкий и в то же время какой-то музыкальный, птичий говор, вместо того чтобы привести его в чувство, наоборот, испугал его. Может, у него что-то серьезное с головой и эта Грейс, или Гуля, – медсестра, а он – в психушке? Иначе как объяснить это видение, присутствие рядом с собой этой женщины? И почему он лежит в чужой постели? Что это за постель? Где он наконец?

Караваев повернул голову и увидел источник зеленого света: распахнутое французское окно до пола, в которое бьет солнце, и раздувающиеся на ветру прозрачные светло-зеленые шторы. Красивое окно. Такое может присниться только во сне. И женщина на редкость красивая. Тоже словно из сна. И как могло случиться, что она выпала из многослойного подсознательного сонного царства и теперь стоит перед ним в синем шелковом халате, расписанном голубыми и розовыми цветами, и как-то очень уж подозрительно смотрит на него?

– Вы кто?

– Ты что, ничего не замечаешь? Ты меня не пугай, я уже и так перепугалась. Говорю же, для особо бестолковых – меня зовут Грейс. Фу-ты, нет, я перепутала, сегодня меня зовут Гортензия. И ты – мой гость. Скажу сразу, чтобы ты окон-

чательно не свихнулся: вчера я малость перебрала и сбила тебя. Понимаю, в таком состоянии садиться за руль нельзя, это и ребенку известно. Но если бы ты знал, как мне было хреново, ты бы понял и простил меня. Да и сбила я тебя так, слегка. Правда, ты упал. Думаю, голову ушиб. Возможно, у тебя сотрясение мозга. Но ты не переживай, крови нигде не было. Так что ты цел и невредим. А голова пройдет, и тошнота тоже. Меня в детстве тоже мячом по голове сильно ударили, я, помнится, на бортике сидела, на футбольном поле, во дворе, мальчишки играли в футбол, а я болела. Ну и доболелась. В меня мячом попали, прямо в темя. Я как кукла свалилась.

– Вы нормальная? – Караваев побледнел. Он вдруг все вспомнил, и знание того, что с ним произошло и в какую историю он попал, заставило его еще раз пережить весь этот кошмар. Для этой дуры в синем халате все легко и просто, а вот как теперь после этого пьяного наезда он будет объясняться с Мирой, останется только его проблемой, его бедой.

Он так нервничал перед тем, как лечь с Мирой, так переживал, что ему, уже два года назад бросившему курить, захотелось затянуться. Понимая, что Мира выйдет из ванной комнаты через десять-пятнадцать минут как минимум, он решил сбегать в сигаретный киоск, расположенный за его домом. Он выбежал из квартиры в свадебном нарядном костюме, обогнул дом, начал перебегать дорогу и увидел вылетевшую откуда-то из кустов, как ему показалось, красную

машину. И теперь он – непонятно где, непонятно с кем. С какой-то идиоткой, которая с перепугу привезла его к себе. Сначала погрузила, как мешок, бесчувственного, к себе в машину, потом привезла сюда и уложила в постель. Даже врача не вызвала, чтобы не наживать себе неприятностей. А если бы он умер? А если бы умер, она похоронила бы его где-нибудь поблизости с домом, в лесу.

– Послушайте, вы, вообще-то, соображаете, что произошло? Вы наехали на меня в пьяном виде, потом привезли сюда. И вы думаете, что вам это сойдет с рук?

– Хоть с рук, хоть с ног, мне все равно. Давайте вызывайте милицию. Я им такого про вас расскажу! Что вы набросились на меня, повалили на землю и пытались изнасиловать. Что мне пришлось защищаться, и я ударила вас камнем по голове.

Она говорила это спокойным тоном, глаза ее при этом словно остекленели, помертвели. Караваев, глядя на нее, понял: она – сумасшедшая, с ней лучше не связываться. При этом он понимал – ему наверняка удалось бы доказать, что именно она наехала на него и привезла сюда. Но какие же нехорошие у нее глаза! Может, она наркоманка?

– Я скажу тебе так – мне всего лишь двадцать восемь лет, и я не собираюсь гнить на нарах из-за того, что какой-то идиот выскочил из кустов и бросился под колеса моей машины. Это была, скорее всего, подстава. Во всяком случае я подумала так с самого начала, как только увидела, что ты лежишь

на земле. Но потом, когда я рассмотрела твой прикид, увидела, что на тебе дорогой костюм, да и пахнешь ты, как тропический цветок, поняла, что ошиблась. Что ты сделал это не ради тех денег, которые собирался вытрясти с меня, а по дурусти. Но не извиняться же перед человеком, который лежит на асфальте без сознания? Я вообще не привыкла извиняться. Ты вот думаешь, что это ты, бедный, жертва. А я так не думаю. Если бы ты знал, какую ночь я провела сегодня, то и дело заглядывая к тебе, чтобы понять, дышишь ты или нет... Да я чуть не поседела!

И она привычным жестом женщины, имеющей длинные волосы, взбила густые черные локоны.

– Послушайте, как вас там, Гуля, Герань...

– Меня зовут Гортензия.

– Вы – сумасшедшая?

– Возможно. Но это не ваше дело.

– Где моя одежда?

– Да вон, на кресле. Между прочим, я ее почистила. Никому никогда в жизни ничего не чистила, не стирала, а вам, совершенно незнакомому мужчине, расстаралась! И знаете, почему? Не из-за вас, конечно. А чтобы на костюме не осталось грязи и пыли. Я даже приготовилась к тому, что вы все-таки вызовете милицию. И тогда я – заметьте, я не шучу – скажу, что вы сами приехали ко мне и собирались меня изнасиловать: долго преследовали меня, влюблены в меня и страшно ревнуете. Я могу придумывать разные истории, у

меня – дар!

Караваев подумал: одно дело, если Мира узнает, что произошел несчастный случай и, пока он бегал за сигаретами, его сбила машина, причем это и есть чистая правда. И совершенно другое дело, если Мира встретится на суде, предположим, с Гортензией, которая станет рассказывать выдуманную историю о несуществующих отношениях между собой и Караваевым. Вот тогда он точно не отмоеся.

Он представил себе ясно, как если бы сам пережил это: вот Мира выходит из ванны, входит в спальню – и не обнаруживает там никого. Ее муж, мужчина, за которого она только что вышла замуж, исчез. Испарился. Сбежал! Вот что она подумает. Бедная Мира! Что она сейчас испытывает? И где она? Вряд ли она осталась там, у него в квартире. Скорее всего, вызвала такси и вернулась к себе домой. Зареванная. С большим, мокрым от слез носовым платком в руке.

Гортензия присела на постель рядом с Караваевым и взяла его за руку. Мягкий тонкий шелк халата сползал с нее, как вторая кожа. В вырезе показалась белая полная грудь.

И из-за этой вот грудастой девки Караваев, можно сказать, потерял Миру. Мало того, что он заставил ее выйти за него замуж, дав ей на размышление всего лишь несколько дней, так теперь еще и это! Что она подумает о нем? И разве поверит в следующий раз, когда он станет клясться ей в своей любви? А ведь он любит ее, так любит, что просто поте-

рял голову. Если бы ему когда-нибудь кто-нибудь сказал, что он таким вот образом, неожиданно и скоропалительно, женится, он расхохотался бы в лицо этому человеку. Но ведь женился! Как увидел Миру, так – все. Понял, что это – его женщина. Вот и сейчас при мысли о ней, представляя себе ее, он, несмотря на щекотливость положения, почувствовал к ней сильное, жгучее чувство, как если бы знал, что она где-то рядом и ждет его. Понятное дело, когда он приедет за ней и станет уговаривать ее вернуться к нему, она будет рыдать и скажет, что совершила ошибку, согласившись выйти за него замуж, попытается прогнать его. Но она просто еще не знает его, не знает, что он все равно никуда не уйдет, потому что он выбрал ее и собирается жить с ней.

– Послушайте-ка, как вас там, Гортензия, Герань ли, Гуля... Встаньте-ка с постели, и нечего демонстрировать мне ваши... Гм...

– Вы будете вызывать милицию? – Гортензия сдвинула тонкие черные брови. – Да? Вы решили наказать меня за вчерашнее?

Ее лицо было так близко от Дмитрия, что он вдруг почувствовал запах спиртного. Герань была пьяна. И это с самого утра – часы на стене показывали девять часов.

– Вы что же – алкоголичка?

– Думаю, что да, – всхлипнула она. – И ничего не могу с собой поделать. Это мой муж, понимаете? Это он во всем виноват. Вы посмотрите на меня, разве я не красива? Раз-

ве у меня не роскошная грудь? Почему он проводит ночи неизвестно где, почему вместо того, чтобы любить меня, он любит каких-то других женщин? Что мне делать? Как мне дальше жить?

Он вдруг с ужасом понял, что у нее начинается истерика. Надо бы раньше догадаться. Красивый дом, красивая женщина, и все это принадлежит мужчине, который умеет причинять боль, самую настоящую боль. Конечно, он постарается обойтись без милиции. Вот только как доказать Мире, что ночью его действительно сбила машина, что он не сбежал от своей жены и совершенно случайно оказался в загородном доме этой Герани, тьфу, Гортензии? Если Мира увидит ее, она ни за что не поверит, что он провел здесь ночь, не прикасаясь к этой... Гуле. Да и кто на месте Миры сможет в это поверить, если эта Гортензия, от которой пахнет алкоголем, – весьма привлекательная женщина? Такие женщины словно созданы специально для мужчин, для их удовольствий.

– Послушайте, Гуля, вы не представляете, что вы натворили. Вам даже в голову такое не может прийти!

– Я готова заплатить, только, пожалуйста, не вызывайте милицию, – глаза ее вдруг наполнились слезами. – Мне так плохо, так плохо... Просто невыносимо!

Она даже кулаки сжала.

– Я вчера женился, привез невесту, то есть жену, к себе домой и, пока она принимала ванну и готовилась, извините,

к брачной ночи, решил сбежать за сигаретами... И сбегал.

– У вас вчера была свадьба? Так вот почему на вас был такой шикарный костюм.

Она плавно перешла от агрессивного «ты» на «вы» и прониклась уважением к своей жертве. Лицо ее покраснелось, а из глаз покатались пьяные слезы.

– Какой ужас! Господи, бедная ваша невеста... Она прождала вас всю ночь! Могу представить себе, как же она страдала, как рыдала... Главное, чтобы она не напилась. Мой муж терпеть не может, когда от меня пахнет водкой. Но она спасает меня. На время, конечно...

– Мне надо срочно ехать домой. Немедленно! Сколько времени мне понадобится, чтобы добраться отсюда до города?

– Минут сорок, если ехать быстро.

– Вы позволите мне воспользоваться вашей машиной? Надеюсь, она на ходу?

– Да, конечно. Можете взять ее себе.

– Да нет, мне бы только добраться до дома, а потом мы с вами свяжемся, и вы сможете забрать ее обратно.

– Вы простите меня? Вы не станете обращаться в милицию? Ведь я же всю ночь не спала, боялась, что вы умрете...

– А если бы я действительно умер? Вы бы закопали меня в вашем саду?

– Не знаю... Смотря сколько выпить, – честно ответила она и икнула.

Караваев встал, оделся.

– Подождите, я принесу вам кофе. У меня в термосе. И сок. Могу предложить хорошее средство от головной боли.

От кофе и таблетки он не отказался.

– У меня что, на лбу написано, что болит голова?

– Вы постоянно морщите лоб, да, чувствуется, что у вас болит голова. Хотя, я думаю, и душа тоже. Знаете, если надо будет подтвердить вашей невесте, где вы были и с кем, я всегда к вашим услугам. Я – ваше живое алиби.

– Ну уж нет, Гуля, вот только без этих ваших штучек. С таким алиби она меня точно выгонит. Вы – девушка яркая, с пышными формами, не уверен, что, увидев вас, моя жена поверит в то, что эту ночь я провел один на один с подушкой... без вас.

– Дались вам мои формы! Я вам дело говорю, а вы о моих сиськах... Между прочим, у меня еще и душа имеется. И сердце. А вы... вы, как и все остальные... Забирайте машину и убирайтесь!

– Дайте-ка мне ваш телефон, я запишу. Вдруг на дороге остановят, скажут еще, что я угнал вашу машину. А так я хотя бы позвоню.

– А вы возьмите меня с собой, я скажу, что позволила вам вести мою машину.

– Вас? Чтобы моя невеста увидела вас? Ну уж нет. Господи, да у меня же и прав с собой нет! Они дома остались. Поэтому какая разница... Но телефон все равно дайте.

Гортензия принесла листок с номером телефона, протянула Караваеву.

– Да уж, я не завидую вам. Могу себе представить, как встретит вас ваша невеста! Я бы лично запустила в вашу голову бутылкой. Причем не пустой. Или придумала еще чего-нибудь похлеще.

– Советую вам бросить пить и взять себя в руки. Не сидите здесь одна, как в заточении. Позвоните подруге, попросите ее к вам приехать. Если вы не позаботитесь о себе – кто вам поможет? А о муже не думайте. Думайте о себе.

Он еще что-то говорил, затем по-мужски крепко пожал Гуле руку. Оба спустились вниз, в гараж, где стояла машина. Красная. Яркая. Точно, такую остановят. Ну и пусть. Он объяснит, что произошло, решил Караваев. Хотя что он может объяснить? Что Гуля на него наехала? Он же пообещал ей, что не будет сообщать о наезде в милицию. Он просто скажет, что произошло недоразумение.

– Послушайте, Гуля, я вот что придумал. В случае, если меня вдруг остановят, я скажу, что ночью отправился за сигаретами.

– Это я уже слышала, – капризно протянула она.

– А что было потом – не помню. Проснулся я уже у вас. И вы рассказали мне, что нашли меня на дороге, ведущей как раз к вашему дому. Видимо, кто-то привез меня сюда, предварительно ударив по голове. А вы спасли меня. Ну, как вам мой план?

– Грандиозный! Мне нравится. Особенно та его часть, где я выступаю в роли спасительницы.

– Очнувшись и вспомнив, что дома меня ждет невеста, я взял вашу машину и поехал к ней.

– Очень романтично. По этому поводу надо бы выпить...

Герань была права – Караваев, даже любя Миру, все равно не мог оторвать глаз от пышной груди Гортензии, ее тонкой белой шеи и розовых нежных щек, влажных губ. Но это было совершенно другое чувство, не имевшее ничего общего с его любовью к Мире.

Он сел в машину, Гуля протянула ему ключи.

– Я позвоню вам... тебе. – И Караваев, не удержавшись, поцеловал ее в щеку.

– Тогда напишите и свой номер телефона.

– Да, конечно, сейчас. Ты – просто потрясающе красивая девушка, и нечего тебе рыдать по поводу твоего мужа-кобея. У тебя такая кожа... Алкоголь разрушит все, ты слышишь меня? – Он протянул ей клочок записной книжки с номером.

– Слышу. – Она коснулась губами его губ, вздохнула и хлопнула за ним дверцу машины. – Езжай уже, жених. Говорю же, все вы одинаковые.

Дома он был уже через полчаса. Гнал, рискуя быть остановленным на дороге, понимая, что каждая минута приближает встречу с Мирой.

Поднимаясь по лестнице, он испытал чувство, очень похожее на страх. Ему было страшно не за себя, а именно за нее, за Миру. Как она теперь? Что она ему скажет? Наверное, заучила целую речь. Бедняжка... Как же она натерпелась, настрадалась...

Как ни странно, но у него руки дрожали, когда он открывал дверь. Судя по тому, что она была заперта на один замок – английский, – оставалась надежда, что Мира все-таки там. Перед тем как лечь спать, она предусмотрительно захлопнула дверь. Если бы она ушла, не помня себя от злости, то и дверь бы не захлопнула, не посчитала бы нужным подумать о сохранности квартиры, даже нарочно распахнула бы ее пошире – специально для воров: заходите, берите все, что пожелаете. И ее можно было понять.

«Господи, ну о чем я думаю?! Вот сейчас открою дверь и увижу все собственными глазами».

В ванной комнате Миры не было. Шампанское стояло нетронутым, не считая отсутствия одной бутылки. Не было Миры ни в кухне, ни в гостиной. Дверцы шкафов были распахнуты. Вероятно, она искала, во что переодеться, чтобы не возвращаться к себе домой в свадебном платье, не позориться перед таксистом и теми, кто может ее увидеть возле ее дома и в подъезде.

Он ворвался в спальню и остановился в дверях, спрашивая себя – не сошел ли он с ума? На его кровати лежал мужчина. Незнакомый мужчина.

– Э-эй, ты кто? – Дмитрий почувствовал на макушке неприятное шевеление. Словно ему запустили в шевелюру горсть активных голодных вшей.

Мужчина не ответил. Он продолжал лежать лицом к окну. Караваев подошел к нему и всмотрелся в лицо. Довольно-таки молодой еще мужчина, брюнет, с орлиным носом. Как он оказался здесь? Все еще не хотелось верить, что он мертв. Но и признаков жизни он тоже не подавал.

Мертвый мужчина у него в квартире... В квартире, где он желал бы видеть свою невольно брошенную невесту... жену. Что здесь произошло, пока его не было? Неужели, пока Миры была здесь одна, в дверь позвонили, она бросилась открывать и на пороге увидела этого мужика? Кто он такой? А вдруг это ее бывший муж? Она же рассказывала ему, что была замужем, что они расстались с мужем. Муж, возможно, выследил их, когда они возвращались из ресторана, и решил заявить свои права на Миру. Может, он ее любит? Любил. Караваев достал платок и промокнул выступивший на лбу пот. Он словно смотрел фильм – кошмарный фильм ужасов. Закрыв глаза и представил себе: этот бывший муж, воспользовавшись тем, что его, Караваева, нет дома, решил доказать свои права на Миру, разделся и бросился на нее, раздетую, пока она лежала в постели, поджидая мужа. То есть его, Караваева. И она, эта хрупкая женщина, убила его. Каким-то невероятным образом. Каким? Крови на подушке не было, значит, не застрелила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.